

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

УДК 008:299; 94 (5)

ВООБРАЖАЕМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Н.В. Палишева

Новосибирский государственный
педагогический университет

palisheva@hotmail.ru

В статье рассматривается соотношение различных подходов к феномену незападных националистических движений на примере изучения развития индийского колониального самосознания. Основное внимание уделяется анализу теории П. Чаттерджи, определяющего индийский антиколониальный национализм как самобытное явление.

Ключевые слова: антиколониальный национализм, политическая история Индии, национальная культура.

После выхода в свет работы Б. Андерсона «История воображаемых сообществ» в науке утвердилось представление о нации как преимущественно ментальной категории, формирующейся первично в пространстве общественного сознания и распространяющейся впоследствии на сферу политических институтов, формируя новый тип легитимности. Данная Андерсоном характеристика породила дискуссии о путях формирования и способах воображения нации. Сама логика мирового исторического развития в Новое и Новейшее время приводила исследователей к пониманию того, что идея нации, несмотря на присущую ей универсальность, демонстрирует значительную

вариативность в различных социально-политических, культурно-исторических и цивилизационных условиях. Поэтому неизбежной исследовательской задачей по-прежнему оставалась разработка классификации националистических идеологий в различных сообществах. В первую очередь это касалось проблематики так называемого «восточного национализма». Сам Б. Андерсон ставил под вопрос целесообразность разделения видов национализма по оси Запад/Восток, указывая, что выделяемые им в работе «История воображаемых сообществ» креольский, государственный и лингвистический виды национализма исторически проявлялись как в западных, так и в восточных сооб-

ществах¹. Поэтому разработанная им же классификация представлялась автору более удачной. Не лишенный европоцентризма андерсоновский подход нередко вызывал резкую критику со стороны представителей национальных историографических школ в странах, история которых традиционно представлялась попыткой имитации западного пути развития. Индийский историк П. Чаттерджи возмущенно задавался вопросом, если национализм где-либо в остальной части мира должен выбирать для себя воображаемое сообщество из набора определенных «образцовых» форм, уже предоставленного ему Европой и Америкой, то что же ему останется воображать².

Спор о характере и природе восточного национализма имеет долгую историю. Традиционно в западной историографии восточный вариант национализма характеризовался в терминах отсталости и неполноценности. Английский историк Э. Кедури считал национализм явлением исключительно европейского происхождения, чуждым менталитету стран незападного типа развития. По его мнению, идеи национализма получили распространение в среде туземной элиты, которая, несмотря на полученное ею образование, продолжала подвергаться расовой дискриминации со стороны колониальных властей. Вестернизированным представителям новой элиты было свойственно подражательное поведение, в частности использование западной идеи нации как сообщества равноправных граждан для обоснования стремления к пе-

ремени собственного статуса в системе колониального управления³. Обращение восточных интеллектуалов к культуре «темных богов», по мнению Кедури, также имело европейские идейные истоки. Восхваление Б.Ч. Палом и другими участниками молодого индийского движения богини Кали – Великой Матери, порождающей и пожирающей своих детей, – автор ставил в один ряд с революционными воззрениями М. Робеспьера и М. Бакунина. Данные явления, по мнению автора, были секуляризованными вариантами хилизма эпохи Нового Времени – веры в способность вождей-провидцев поднять массы на борьбу за преобразование и спасение греховного мира, создание совершенного социума путем уничтожения границ между частным и общим⁴.

Г. Кон считал восточный национализм ответной реакцией отсталого общества, поэтому проявление националистических тенденций первоначально в культурной, а только потом в социальной и политической сферах жизни традиционного общества представлялось ему вполне закономерным следствием влияния западного образца. Чрезвычайная зависимость от Запада зачастую вынуждала местные образованные элиты преодолевать комплекс уязвленного самолюбия, становясь в оппозицию «чужому»⁵.

Британский исследователь Дж. Платтенатц также разделял и противопоставлял западную и восточную версии национализма. Механизм формирования последней он объяснял распростра-

¹ Anderson B. Western nationalism and Eastern Nationalism. Is there a difference that matters? // *New Left Review* – 2001. – Vol. 9. – P. 31–42.

² Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает? // *Нации и национализм*. – М: Праксис, 2002. – С. 285.

³ Kedourie E. Introduction // *Nationalism in Asia and Africa*. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. – P. 90–92.

⁴ Ibid. – P. 106.

⁵ Kohn H. Western and Eastern Nationalisms // *Nationalism*. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 162–165.

нением в среде туземной элиты инонациональных, «чужих и чуждых» азиатским глобальным стандартам прогресса, созданных странами-лидерами мирового развития эпохи Нового времени – Францией и Великобританией. В условиях, когда собственное культурное наследие было не в состоянии предоставить основы для адаптации данных стандартов, восточный тип национализма сопровождался попытками культурной трансформации нации при одновременном стремлении сохранить собственную идентичность и культурные отличия. Данная попытка включала в себя два амбивалентных отрицания: отрицание чуждого, вторгшегося извне, но одновременно притягательного образца, и отрицание собственного прошлого и культурного наследия, которые расценивались как препятствие на пути к прогрессу, но все еще почитались как символ самобытности⁶.

Ключевой характеристикой приведенных выше подходов можно считать европоцентризм, превратившийся во второй половине XX в. в один из главных исследовательских «грехов» западной историографии, преодолеть который наиболее удачно удавалось в рамках конкретно-исторических исследований, стремившихся к выявлению влияния эндогенных факторов. По утверждению П. Чаттерджи, самые мощные и творческие результаты национального воображения в Азии и Африке основывались не на тождестве с образцовыми формами национального общества, пропагандируемыми современным Западом, а скорее на отличии от таковых⁷.

⁶ Цит. по: Chatterjee P. *The Nations and Its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories.* – NJ: Princeton UP, 1993. – P. 31.

⁷ Чаттерджи П. Указ. соч. – С. 285.

В данной статье предпринята попытка продемонстрировать некоторые из теоретико-методологических подходов к изучению индийского национализма. Наибольшее внимание при этом уделяется концепции П. Чаттерджи, которая на сегодняшний день является одной из основных теоретических разработок темы индийского колониального дискурса.

Не отрицая западного воздействия на формирование идеологии индийского национализма, авторы признают ограниченность каналов и участников такой коммуникации. Признаваемое Б. Андерсоном основополагающее условие для начала процесса воображения нации, обозначенное им термином «печатный капитализм», в полной мере присутствовало и в колониальной Индии. Распространение в Британской Индии газет на местных языках способствовало распространению в разных ее районах настоящей лексико-филологической революции, в ходе которой шрифты, грамматические структуры и лексика местных языков были стандартизированы. Другим каналом европейского влияния на сознание туземных элит стала деятельность англичан, инициировавших процесс научного изучения индийской истории и культуры. По мнению Е.Ю. Ваниной, специфика индийского национализма состояла в том, что на первых порах туземцы получали картину исторического прошлого своей страны из чужих рук, и прежде чем индийская нация стала плодом воображения собственных идеологов национализма, ее «вообразили» западные ориенталисты⁸.

⁸ Ванина Е.Ю. *Прошлое во имя будущего. Индийский национализм и история (середина XIX – середина XX века) // Национализм в мировой истории.* – М.: Наука, 2007. – С. 491–501.

Несмотря на признание высокой степени влияния европейского колониализма и западных политических идей, большинство специалистов-индологов склонны считать индийский антиколониальный национализм специфическим фактом индийской истории, в значительной степени обусловленным ее эндогенными особенностями. По выражению индийского историка С. Кавираджа, сформировавшееся национальное государство Индия – это скорее преемник не современных европейских государств, а империй, существовавших на территории Индии в доколониальную эпоху⁹. Поэтому большинство современных индийских общественно-политических явлений нужно изучать в контексте традиционной политической культуры, отличавшейся от европейских античных и средневековых образцов. Если в качестве основных субъектов западной политической истории большинство влиятельных методологических подходов рассматривает государства как единые организмы, то применительно к истории традиционной Индии исследователи признают в качестве таковых регионы с их характерной этнолингвистической стратификацией, религию и кастовую систему. Характерная сегментированность и гетерогенность политической жизни проявлялась как в пространственном, так и во временном контексте. Известная характеристика доколониальной истории как чередования периодов порядка и хаоса в значительной степени раскрывает тот факт, что появляющиеся на территории Индии империи представляли собой непрочные политические образования, и перечисленные традиционные элементы оказывались

более стойкими конструкциями¹⁰. При условиях отсутствия единого политического центра наиболее сильной и стабильной (а с точки зрения некоторых оценок – единственной) политической структурой традиционной Индии была многоуровневая система органов самоуправления – кастовых панчаятов. Наличие мощной системы самоуправления, способной решать все необходимые внутриобщинные вопросы, и традиционная аполитичность сознания индусов, исходящая из религиозной установки о том, что управление государством является исключительно дхармой правителя, обусловили отсутствие политического дискурса в интеллектуальной культуре индусов (за исключением древнего текста «Артхашастры»).

Очевидно, что природу индийского националистического дискурса необходимо рассматривать с точки зрения специфики колониального контекста. В течение долгого времени сущность колониальной системы связывалась исключительно с фактором насильственной экспансии, а собственно туземные элементы вписывались в данную схему как жертвы западной истории, связанной с развитием капиталистических отношений. П. Чаттерджи основывается на результатах исследований, показывающих несколько иные выводы относительно причин установления колониальной системы. В частности, он приводит аргументацию британского историка Д.А. Вашбрука, рассматривающего колониализм как логическое следствие собственной капиталистической истории Южной Азии. Согласно этому подходу экономические и социальные институты доколониальной Индии в действительности

⁹ Kviraj S. The Trajectories of the Indian State. Politics and Ideas. – New Delhi: Permanent black, 2010. – P. 2.

¹⁰ Индия: страна и регионы / отв. ред. Е.Ю. Ванина. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 23.

сти не только не тормозили развитие капиталистических отношений, но и аккумулировали большинство форм, ассоциируемых с ранним капиталом. В данный период появились не только торговый и банковские капиталы, но и крупномасштабный обмен в нетоварном сельском хозяйстве. В этих условиях Ост-Индская Компания возникла в качестве еще одного объекта, способного выполнить аналогичные функции, и являлась логическим продолжением местного процесса. Установившееся в итоге колониальное государство всецело отвечало историческим требованиям индийского капитала и предоставляло необходимую легальную и политическую защиту для имущих классов и процессов их обогащения¹¹. На основании этих данных Чаттерджи заключает, что если колониализм как экономическое и политическое образование был следствием туземного капиталистического развития, то все элементы колониальной эволюции становятся, по неизбежной логике исторической теории, интегральной частью местной истории¹². Подобный подход в определенной степени может служить инструментом преодоления ориенталистского взгляда на историю индийского национализма. Другой причиной искаженного понимания природы антиколониального национализма, характерного для западной историографии, П. Чаттерджи считал стремление рассматривать его только в контексте истории политической борьбы с колониальной властью. В противовес этому исследователь предложил свою формулу, заключающуюся в том, что национализм сформировал сферу собственного суверенитета в колониальном обще-

ства задолго до возникновения освободительной идеологии. Разделяя мир общественных институтов и практик на сферу материального, т. е. «внешнего» – экономики, политики, технологий, и духовную, т. е. «внутреннюю», заключающую в себе сущностные черты культурной идентичности, он признавал западное превосходство в первой области и необходимость ее копирования. Но парадоксальным образом выяснилось, что чем более успешным было усвоение индийцами западных навыков и практик в материальной сфере, тем более важным сознавалось значение уникальной духовной культуры и стремление к ее сохранению¹³. В работе «Националистическая мысль и колониальный мир» П. Чаттерджи основывается на признании модели «пассивной революции капитала», разработанной А. Грамши, в качестве универсальной формы перехода колониальных обществ к национальным государствам. Эволюция идейной сферы колониального общества предстает в качестве неотъемлемого атрибута развития пассивной революции. П. Чаттерджи разделяет историю индийской колониальной националистической мысли, сопровождающей и проводящей «пассивную революцию», на три этапа («время отправления», «время маневра» и «время прибытия»), каждый из которых он раскрывает на основе анализа дискурса, порождаемого отдельными личностями. «Время отправления», иллюстрируемое взглядами раннего националистического мыслителя Банким Чандры Чаттопадхья, было связано с осознанием и принятием культурной разницы между Востоком и Западом. Формирующееся националистическое заявление основывалось на признании того, что восточная отста-

¹¹ Цит. по: Chatterjee P. Указ. соч. – Р. 31.

¹² Там же.

¹³ Чаттерджи П. Указ. соч. – С. 286.

лость в материальной сфере не является фатальностью, а может быть преодолена путем адаптации современных атрибутов европейской культуры. В этот же период националистическая мысль осознает, что превосходство Запада заключается исключительно в сфере материального прогресса, в то время как Восток превосходит в духовном аспекте. Истинное движение в направлении современности для неевропейских наций признается как совмещение материальных образцов западной культуры с духовным величием Востока.

Данная идея, безусловно, была частью элитарной программы. Массовое сознание, погруженное в столетия суеверий и иррациональной народной религии, вряд ли могло принять этот идеал: оно должно было подвергнуться трансформации извне. Данная особенность, по словам Чаттерджи, заключала в себе центральную политико-идеологическую дилемму капиталистической трансформации колониального общества, нашедшей свое решение в «пассивной революции». Историческая задача требовала мобилизации массовых элементов в антиколониальную борьбу при условии их одновременного дистанцирования от сферы государственного правления. Данная задача была реализована во время маневра, связанного с деятельностью М.К. Ганди. Здесь была осуществлена консолидация национального путем осуждения современного в условиях, когда подготовка расширения капиталистического производства проводилась при помощи обращения к идеологии антикапитализма. Индийская националистическая мысль достигла наиболее полного развития на завершающем этапе, названном автором «временем отправления», связанным с идеологией Д. Неру. Фактически возникший в этот период национали-

стический дискурс, связанный главным образом с вопросом рациональной организации власти и сумевший в какой-то мере разрешить внутренние противоречия предыдущих этапов, ознаменовал собой завершение «пассивной революции» и стремился материализовать националистическую мысль в сфере государственного управления¹⁴.

При этом Чаттерджи признает, что характеристики, отличающие восточный национализм от западных форм, были заложены именно на начальной стадии, в ходе которой признаются культурные различия. В своей работе «Нация и ее фрагменты» автор показывает на примере развития колониальной Бенгалии ключевую роль формирующего там среднего класса. Данный класс, являясь главным социальным агентом формирующегося национализма, выполнял функцию посредника, находясь одновременно в положении бесспорного подчинения колониальным властям и культурного лидерства над местным колонизированным населением¹⁵.

Развивая данные идеи, С. Кавирадж пишет о формировании в индийском колониальном обществе новой онтологии, основанной на выделении экономики, политики и социума в качестве трех отдельных областей, имевших собственные внутренние законы и вектор развития, соответствующие природе каждой из них. Утверждение такой онтологии было следствием самоидентификации колониального государства, которое не могло нести ответственность за все процессы, проис-

¹⁴ Chatterjee P. Nationalist thought and the colonial world. A derivative discourse. – Tokyo: Keio Tsushin, 1986. – P. 41–53.

¹⁵ Chatterjee P. The Nations and Its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories. – P. 35–36.

ходящие в многосоставном обществе. Подобные установки приводили, по мнению автора, к постепенному формированию идеи квазисуверенитета индийцев над традиционным социумом при условии прочного сохранения политического контроля над Индией в руках Британской империи. Это концептуальное разделение до определенного времени было выгодно и колониальному правительству, и представителям зарождающегося национализма. Британская администрация использовала его для отделения от политической сферы интеллектуальной активности индийской элиты, которая определяла аспекты социального поведения различных каст, не затрагивающие интересы государства и находящиеся вне его легитимной области. Образованные индийцы видели в этом разделении расширение традиционной концептуальной дихотомии между внутренним и внешним. Отстаивая принадлежность религиозно-реформаторских движений и просветительских обществ сфере внутренних дел индийского социума, образованная туземная элита рассматривала вмешательство властей в эти области как нежелательное¹⁶.

Впоследствии националистическая мысль начинала постепенно осваивать и политическую область. Однако здесь формы ее проявления в целом были сходными с западными аналогами. По утверждению П. Чаттерджи, индийский политический национализм изначально видел свою главную цель в оспаривании так называемого принципа колониального различия, заключающегося в признании колонизаторами неполноценности туземного населения и вытекающей из этого неспособности участвовать в управлении

государством. В целом же индийский национализм основывался на западных политических теориях и стремился впоследствии к утверждению государства современного образца¹⁷. Это подтверждает логическую последовательность индийского националистического дискурса, признавшего на раннем этапе необходимость адаптации западных образцов во внешней сфере. В указанной особенности заключается и причина восприятия рядом ученых колониального национализма как попытки имитации западных образцов. Данный факт еще раз доказывает признанную П. Чаттерджи необходимость рассмотрения истории индийского национализма как идеологии, зародившейся задолго до ее проявления в политической сфере.

Индийский национализм, несмотря на раздирающие его внутренние противоречия, обусловленные спецификой социальной структуры и исторического опыта колониального общества, сумел выполнить ту же историческую функцию, что и его западный аналог, – выработал идею нации как единого политического и экономического субъекта, способного к самоуправлению. Антиколониальный национализм в Индии стал способом легитимации новой формы демократического суверенного государства, свободного от кастовой конфессиональной и колониальной дискриминации. Вместе с тем, заложив основы для учреждения и развития союзного федеративного государства, идеология индийского национализма как специфический феномен самоидентификации колониального сообщества в значительной степени предопределила целый комплекс проблем постколониальной истории Индии.

¹⁷ Chatterjee P. The Nations and Its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories.

¹⁶ Kaviraj S. Указ. соч. – P. 26.

Литература

Ванина Е.Ю. Прошлое во имя будущего. Индийский национализм и история (середина XIX – середина XX века) / Е.Ю. Ванина // Национализм в мировой истории; под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. – М: Наука, 2007. – С. 486–529.

Индия: страна и регионы / отв. ред. Е.Ю. Ванина; изд. 2-е, стер. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 360 с.

Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает? / П. Чаттерджи // Нации и национализм.; пер. с англ. Л.Е. Переяславцева, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М: Праксис, 2002. – С. 283–296.

Anderson B. Western nationalism and Eastern Nationalism. Is there a difference that matters? / B. Anderson // New Left Review. – 2001. – Vol. 9. – P. 31–42.

Chatterjee P. Nationalist thought and the colonial world. A derivative discourse / P. Chatterjee – Tokyo: Keio Tsushin, 1986. – 184 p.

Chatterjee P. The Nations and Its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories / P. Chatterjee. – NJ: Princeton UP, 1993. – 296 p.

Kaviraj S. The Trajectories of the Indian State. Politics and Ideas / S. Kaviraj. – New Delhi: Permanent black, 2010. – 290 p.

Kedourie E. Introduction / E. Kedourie // Nationalism in Asia and Africa; ed. by E. Kedourie. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. – P. 1–152.

Kohn H. Western and Eastern Nationalisms / H. Kohn // Nationalism; ed. by J. Hutchinson and A. D. Smith. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 162–165.